

Пыпин Александр Николаевич

История русской литературы

**Том 3. Судьбы народной поэзии.
Эпоха преобразований Петра
Великого. Установление новой
литературы. Ломоносов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Николаевич П.**
История русской литературы: Том 3. Судьбы народной поэзии. Эпоха преоб-
разований Петра Великого. Установление новой литературы. Ломоносов /
Пыпин Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 545 с.

ISBN 978-5-519-80060-0

ISBN 978-5-519-80060-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наго ума; и чрезвычайно характерно исторически, что самую крупную силою въ этомъ направленіи сталъ въ XVIII вѣкѣ Ломоносовъ, человѣкъ изъ народа. Наперекоръ тому, что говорилось объ измѣнѣ народности, о рабской подражательности XVIII вѣка, видимъ, что въ первыхъ нескладныхъ опытахъ для созданія будущей новой поэзіи ищутъ уже ея формы въ народной пѣснѣ, и Ломоносовъ, извлекая изъ чужой школы убѣжденіе въ единствѣ науки для всякаго просвѣщеннаго народа, ведетъ, даже съ необузданными крайностями, борьбу за „собственное и природное“.

Наука давалась не вдругъ; ее должно было завоевать трудами многихъ поколѣній, чтобы обогатить ея содержаніемъ національную жизнь. И точно также только трудомъ многихъ поколѣній могло быть приобрѣтено и стать національнымъ достояніемъ и нравственной силою пониманіе искусства, вообще, и въ частности—поэзіи. И здѣсь, при всемъ естественномъ авторитетѣ иноземныхъ образцовъ, съ первыхъ опытовъ пробиваются уже черты русскаго содержанія и проблески будущаго разцвѣта поэтическаго языка.

Изученіе этого процесса развитія новой литературы отъ временъ Петра и Ломоносова до самобытныхъ созданій Пушкина и Гоголя составляетъ задачу второго отдѣла моего труда. Я останавливался поэтому только на главныхъ явленіяхъ, опредѣлявшихъ постоянный ростъ внѣшнихъ формъ и внутренняго содержанія литературы, на ряду съ расширеніемъ общественной мысли. Явленія второстепенныя, писатели и произведенія второй величины имѣютъ свое важное историческое значеніе, какъ детальныя проявленія господствующаго теченія, но вообще онѣ не измѣнили основнаго процесса; излагать ихъ сполна, при изобразительномъ мною планѣ, значило бы отвлекать вниманіе отъ главной темы, и я даю имъ мѣсто въ біографическихъ и бібліографическихъ дополненіяхъ.

Нѣкоторые строгіе судьи считали какъ будто излишними цитаты, какія приводилъ я изъ важнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій; но я дѣлалъ это именно съ намѣреніемъ: по характеру своей работы, передавая составъ вопроса, я въ то же время хо-

тѣлъ и долженъ былъ знакомить читателя съ ходомъ и оттѣнками его научной разработки. Исторія нашей литературы, при разбросанности изслѣдованій, оставляетъ еще много невыясненнаго и спорнаго, и сопоставленіе ученыхъ мнѣній, т.-е. непосредственныхъ впечатлѣній и выводовъ авторитетныхъ изыскателей, становится важнымъ и необходимымъ для того, чтобы читатель могъ сознательно воспринять дѣйствительное состояніе историческаго вопроса,—къ этому направлялъ я и библіографическія примѣчанія. Другіе упрекали меня за недостаточность библіографическихъ указаній; но я опять намѣренно ограничивалъ ихъ необходимымъ, такъ какъ изъ приведенныхъ сочиненій читатель, къ нимъ обращающійся, будетъ въ состояніи самъ познакомиться съ подробностями литературы даннаго предмета.

А. П.

Сентябрь, 1898.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР.

Предисловіе, стр. III—VI.

Глава XXIV.—Народная поэзія.—Ея судьбы въ древней письменности. Стр. 1—54.

Значеніе народной поэзіи въ развитіи литературы.—Двѣ стороны ея въ условіяхъ русской литературы: народная поэзія какъ свидѣтельство о древнемъ бытѣ и преданіи; народно-поэтическое внушеніе въ литературу новѣйшаго періода.

Поздняя форма пзвѣстной нынѣ поэзіи.—Ея историко-литературное мѣсто на границѣ двухъ періодовъ.

Первые интересы къ народной литературѣ на Западѣ и въ нашей литературѣ.—Восемнадцатый вѣкъ.—Начало изученій: школа Гримма; теорія международныхъ воздѣйствій; сравнительно-историческое изученіе.

Вопросъ о степени общенародности и неизмѣнности народно-поэтического преданія.—Историческая судьба этого преданія.—Эпическая старина въ рукахъ профессиональных пѣвцовъ; современная форма былиннаго эпоса.

Внѣшняя судьба народной поэзіи въ древнемъ періодѣ.—Ея осужденія съ точки зрѣнія строгаго аскетизма съ XI-го до конца XVII столѣтія .

Библиографическія примѣчанія.

1
48

Глава XXV.—Народная поэзія.—Ея основы и наслоенія. Стр. 55—106.

Мифологическія основы.—Состояніе вопроса о славяно-русской мифологіи: школа Гримма; повѣйшіе изслѣдованія; языческая древность; христіанская легенда; двоевѣріе.

Бытовые основы.—Древній родъ и семья.—Обрядовыя жизни: отраженіе формъ родового и семейнаго быта въ свадебной пѣснѣ и обрядѣ; почитаніе предковъ и пр.

Народно-поэтическое творчество.—Первичныя формы поэзіи.—Изслѣдованія Потебни.

Историческія наслоенія.—Отголоски древняго быта и эпическаго сказанія.—Первое проникновеніе христіанства. —Періодъ двоевѣрія: народно-христіанская мифологія.—Историческія событія: племенные передвиженія; татарское иго; основаніе царства.—Переходъ эпоса въ новыя условія историческо-

бытовыя и географическія. — Сліяніе древнихъ сюжетовъ съ болѣе поздними переходными сказаніями. — Пѣсни историческія.

Учѣтлѣвшее дондѣ богатство пѣсни, — но и новѣйшій сильный упадокъ стараго пѣсеннаго творчества

55

Библиографическія примѣчанія.

96

Глава XXVI. — Народная поэзія. — Ея литературныя воздѣйствія. Стр. 107—162.

Вопросъ о значеніи народной поэзіи въ исторіи литературнаго развитія. — Различныя его стороны.

Отсутствіе литературныхъ вліяній народной поэзіи въ древнемъ періодѣ. — Восемнадцатый вѣкъ: съ одной стороны, продолженіе стараго преданія подражательности и отрицанія народной поэзіи; съ другой — первые признаки ея сознательной оцѣнки. — Интересъ къ народности въ XVIII вѣкѣ: Татищевъ, Новиковъ, Чулковъ, Дмитріевъ, Аблесимовъ; сочиненія имп. Екатерины; Радищевъ. — Это обращеніе къ народу было органическимъ результатомъ реформы.

Деятнадцатый вѣкъ: общественный интересъ къ народу и литературный романтизмъ. — Вліянія научныя. — Начатки славянскаго движенія: основаніе русскаго славяновѣдѣнія. — Изслѣдованія народной поэзіи: Сахаровъ, Петръ Кирѣевскій. — Сороковые года: два литературные лагеря. Статьи Каткова и Бѣлинскаго. — Національная міѳологическая школа. Взгляды Буслаева. Неправдивость къ XVIII вѣку.

Новѣйшее время. — Общественное значеніе преданій. — Отраженія народнаго элемента въ новѣйшей литературѣ

107

Библиографическія примѣчанія.

158

Глава XXVII. — Время Петра Великаго. Стр. 163—209.

Взглядъ на дѣятельность Петра, какъ на переворотъ. — Два теченія, явившіяся въ русской жизни. — Восхваленія и осужденія реформы. — Историческая критика. — Реформа какъ завершеніе данныхъ стремленій самой исторической жизни.

Связь литературы Петровскаго времени съ „письменностью“ XVII вѣка; литературное междоусобице.

Время царевны Софіи. — Первые обращенія къ иностранцамъ. Помощники Петра изъ Кіевской школы. — Стефанъ Яворскій. Столкновенія съ Петромъ. — Дѣло Тверитинова. — „Камень вѣры“. — Феоданъ Прокоповичъ. — Его школа. — Быстрое возвышеніе. — Сочувствіе къ свѣтской наукѣ. — Вызовъ въ Петербургъ. — Дѣятельность ученая, проповѣдническая и административная. — Посоховъ

163

Библиографическія примѣчанія.

207

Глава XXVIII. — Путешествія за границу. Стр. 210—260.

Путешествія Петра Великаго. — Стольникъ Петръ Толстой. — Бояринъ Бор. Петр. Шереметевъ. — „Записная книжка замѣчаній великой особы“. — Еще

дневникъ неизвѣстнаго. — Путешествія и дневники кн. Бор. Из. Куракина. — Статейный списокъ гр. А. А. Матвѣева. — Записки Из. Из. Неллюева. .	стр. 210
Библиографическія примѣчанія.	259

Глава XXIX. — Книжная дѣятельность при Петрѣ В. Стр. 261—296.

Разнообразіе книжныхъ интересовъ Петра. — Забота о распространеніи
знаній техническихъ, научныхъ и нравственно-общественныхъ.

Исполнители изъ разнообразныхъ круговъ тогдашняго общества. — Пи-
тошцы Кіевской академіи. — Питомцы Славяно-греко-латинской академіи въ
Москвѣ. — Переводчики Посольскаго приказа, иностранцы и русскіе. — Пѣн-
ные шведы. — Молодые люди, посланные за границу для навигацкаго дѣла и
для „либеральныхъ наукъ“.

Личное участіе Петра въ выборѣ книгъ для перевода, въ просмотрѣ пе-
реводовъ, въ ихъ исправленіи и въ корректурѣ. — Книжный языкъ Петра .

Библиографическія примѣчанія .

Глава XXX. — Петрѣ Великій въ народномъ преданіи. Стр. 297—332.

„Толковый Апокалипсисъ“, поморскаго письма, съ изображеніями Петра
въ видѣ Антихриста. — Зарожденіе этого представленія въ первые годы цар-
ствованія и развитіе его въ расколѣ. — Григорій Талицкій. — Дѣла Преображен-
скаго приказа. — Поэтическая молитва-причитаніе о Петрѣ.

Раскольничья сатира: „Мыши kota погребаютъ“, и другія лубочныя кар-
тины того же происхожденія.

Петръ въ историческихъ пѣсняхъ и сказочныхъ преданіяхъ .

Библиографическія примѣчанія .

Глава XXXI. — Первое время послѣ Петра. Стр. 333 — 378.

Связь первой половины XVIII вѣка со старымъ книжнымъ преданіемъ. —
Отсутствіе настоящей литературы и пачатки новыхъ образовательныхъ инте-
ресовъ подъ западно-европейскими вліяніями.

Осифъ Прокопичъ. — Его дѣятельность послѣ Петра и защита его пре-
даній. — Оттачивающій характеръ его церковно-политической борьбы.

Абрамовъ, вѣкогда послѣдователь, потомъ фанатическій противникъ ново-
введеній.

Антонъ Каштемиръ. — Кружокъ Осифа; пѣмецкіе академики; знаком-
ство съ классиками и иностранной литературой. — Сатиры. — Переводъ книги
Фонтенелла.

Татищевъ. — Практическая школа при Петрѣ. — Пробываніе за границей. —
Литературные труды.

Биографическія и библиографическія примѣчанія.

Глава XXXII.—Исканіе новыхъ литературныхъ формъ.

Стр. 379—420.

Сознаніе необходимости реальной науки.—Распространеніе любознательности и ѣлкторой критики.—Исканіе новыхъ литературныхъ формъ и содер-жанія.

Зачатки новыхъ формъ въ предшествующемъ періодѣ. — Рукописная повѣсть начала XVIII вѣка: связь ея, ранѣе, съ повѣстями XVII вѣка и, позднѣе, съ первыми печатными романами второй половины XVIII-го.—Русскіе опыты.

Первое знакомство съ театромъ въ концѣ XVII вѣка. — Театръ при Петрѣ.—Иностранные актеры и опера на придворномъ театрѣ при Аннѣ.—Русская сцена при Елизаветѣ.

Стихотворство.—Силлабическій стихъ. — Первое знакомство съ новой европейской поэзіей.

379

Библиографическія примѣчанія.

417

Глава XXXIII.—Установленіе новой литературы. Стр.

421—445.

Средина XVIII вѣка.—Новыя прямыя вліянія европейской образованности и первое установленіе литературной жизни.—Литературный трудъ какъ профессія: первые „писатели“, читающая публика, критика.

Созиданіе литературы подъ впечатлѣніями эпохи преобразования. — „Насажденіе“ изящной словесности какъ продолженіе стремленій реформы.

Единственный наличный источникъ — западная литература. — Было ли заимствованіе изъ этого источника измѣной народности или національному „культурному типу“?—Европейскія основы русской національности — Историческая преемственность цивилизаціи.

Образовательная ступень русскаго общества въ половинѣ XVIII вѣка.—Состояніе школы: Славяно-греко-латинская академія; духовныя школы.—Свѣтскія училища со временъ Петра: Академія наукъ и академическая гимназія; Пѣхотный кадетскій корпусъ; медицинская школа и пр.—Образованіе за границей.—Основаніе московскаго Университета.

421

Библиографическія примѣчанія

444

Глава XXXIV.—Тредьяковский и Сумароковъ. Стр.

446—477.

Стремленіе установить теоретическія основанія и формы литературы.

Труды Тредьяковского.—Рсторика и пѣтика.—Вопросъ о языкѣ и стихосложеніи.

Литературная дѣятельность Сумарокова.—Увѣренность, что русская литература уже равняется съ европейскими, именно съ французскою.

446

Биографическія и библиографическія примѣчанія

469

Глава XXXV.—Ломоносовъ. Стр. 478—530.

Историко-литературная изученія Ломоносова.

Складъ понятій въ обществѣ его времени.

Основной смыслъ дѣятельности Ломоносова.

478

Биографическія и библиографическія примѣчанія

521

Дополненія.

. 531—535

ГЛАВА XXIV.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ. — ЕЯ СУДЬБЫ ВЪ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Значеніе народной поэзіи въ развитіи литературы. — Двѣ стороны ея въ условіяхъ русской литературы: народная поэзія какъ свидѣтельство о древнемъ бытѣ и преданіи; народно-поэтическое внушеніе въ литературѣ новѣйшаго періода.

Поздняя форма извѣстной нынѣ поэзіи. — Ея историко-литературное мѣсто на границѣ двухъ періодовъ.

Первые интересы къ народной литературѣ на Западѣ и въ нашей литературѣ. — Восемнадцатый вѣкъ. — Начало изученій: школа Гримма; теорія международныхъ воздѣйствій; сравнительно-историческое изученіе.

Вопросъ о степени общенародности и неизмѣнности народно-поэтического преданія. — Историческая судьба этого преданія. — Эпическая старина въ рукахъ профессиональных пѣвцовъ; современная форма былиннаго эпоса.

Вѣншая судьба народной поэзіи въ древнемъ періодѣ. — Ея осужденія съ точки зрѣнія строгаго аскетизма съ XI-го до конца XVII столѣтія.

Историко-литературное значеніе народной поэзіи можетъ быть весьма различно, смотря по цѣлой судьбѣ литературы. Если литература развивалась естественнымъ образомъ изъ собственного источника народной культуры, внѣ чуждыхъ овладѣвающихъ ея воздѣйствій, народная поэзія бываетъ первымъ началомъ литературы, ея основнымъ мотивомъ, который, заключая въ себѣ всѣ стороны нравственной и художественной жизни, создаетъ въ послѣдствіи разнообразныя проявленія народно-поэтического духа: эпосъ, сохраняя древнія сказанія, остается навсегда авторитетнымъ литературнымъ преданіемъ, какъ эпосъ Гомеровскій; лирика развиваетъ обрядовую пѣсню; драма есть изображеніе міа; личное творчество идетъ непосредственно за народно-поэтическими основами, и литературное развитіе представляется цѣльнымъ организмомъ. Но иначе бываетъ тамъ, гдѣ литература находитъ содержаніе не въ одномъ народномъ преданіи, или ищетъ содержанія внѣ преданія или даже наперекоръ ему. Такъ римская литература, въ сильной степени подпавшая греческимъ вліяніямъ, совсѣмъ не имѣетъ характера той цѣльности и самообытности, какою отличается литература грековъ; литература народовъ средневѣковой западной Европы, вслѣдствіе раннихъ вліяній

съ одной стороны классическаго міра, съ другой христіанства, съ самаго начала распадается на нѣсколько теченій, въ которыхъ сказываются различные элементы народной культуры — и классическое преданіе (съ ученымъ латинскимъ языкомъ), и христіанское ученіе и легенда (опять съ латинскимъ языкомъ и народными переложаніями), и наконецъ національно-поэтическіе мотивы, которые, впрочемъ, сравнительно только позднѣе проникаютъ въ книгу, т.-е. получаютъ настоящее литературное значеніе. Древняя народно-поэтическая основа еще менѣе получила мѣста въ нашей старой письменности: возникши только послѣ принятія христіанства, — съ которымъ пришли иноземные, греческіе, учителя и готовые церковныя книги, хотя на родственномъ, но все-таки чужомъ языкѣ, книги, созданныя внѣ собственнаго труда древней Руси, — наша письменность съ самаго начала оказалась въ рукахъ церковныхъ грамотниковъ и стремилась установиться и дѣйствовать именно наперекоръ народному преданію, такъ какъ оно казалось сполна языческимъ... Въ результатѣ, письменность слагалась въ принципиальной враждѣ къ народному преданію, уступая ему только произвольно, но и безъ послѣдовательности, такъ что народно-поэтическіе элементы, въ свою очередь уже окрашенные христіанствомъ, проникали въ литературу только отрывочно, не успѣвъ до самаго конца стараго періода нашей литературы получить какую-либо сознательную организацію, изъ которой могла бы образоваться литературная школа, способная къ развитію. Такимъ образомъ народно-поэтическое преданіе не было у насъ исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія и только въ новѣйшемъ періодѣ литературы стало привлекать къ себѣ вниманіе и вызывать ревностное собраніе и изученіе.

По этимъ судьбамъ литературы, историческое значеніе нашей народной поэзіи имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, народная поэзія является свидѣтельствомъ о старыхъ эпохахъ народной жизни, о древнемъ народномъ міровоззрѣніи, о народно-поэтическомъ складѣ и чертахъ быта — болѣею частію внѣ общенія съ письменной литературой и насколько указанныя особенности ея содержанія могутъ быть изучены по рѣдкимъ сообщеніямъ памятниковъ и по современному состоянію народно-поэтическаго преданія, т.-е. по сохранившимся донынѣ старымъ пѣснямъ, сказкамъ и всѣмъ инымъ произведеніямъ народной словесности. Во-вторыхъ, историко-литературному изслѣдованію подлежитъ отраженіе народно-поэтическаго преданія въ той литературѣ новаго періода, которая впервые обращалась сперва инстинктивно, по-

томъ сознательно, къ этому преданію, какъ непосредственному созданію народа, гдѣ заключены поэтическія откровенія народнаго духа.

Такимъ образомъ, является вопросъ: какъ при этихъ условіяхъ опредѣлить мѣсто народной поэзіи въ историко-литературномъ изложеніи, гдѣ поставить ея памятники въ историческомъ ряду литературнаго развитія? Замѣтимъ прежде всего, что народная поэзія въ первый разъ привлекла вниманіе историковъ литературы только въ недавнее время, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, только съ тѣхъ поръ, какъ ея содержаніе нашло первыя научныя объясненія. Вошло въ обычай начинать исторію литературы съ памятниковъ народной словесности, которые являются такимъ образомъ какъ бы основою, исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія, — и это было бы правильно тамъ, гдѣ литература въ самомъ дѣлѣ развивалась послѣдовательно изъ своихъ народныхъ стихій. Но въ старой русской письменности этого именно не было, и поставленіе народно-поэтической словесности въ качествѣ исходнаго пункта создаетъ извѣстное историческое недоразумѣніе. Исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія она не была, а было какъ разъ обратное. Первоначальная народная поэзія въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ IX—X вѣкѣ, исчезла почти безслѣдно и можетъ быть только предметомъ научныхъ гипотезъ, а въ послѣдующіе вѣка (какъ можемъ судить по нынѣ извѣстному ея содержанію) она осложнилась множествомъ новыхъ стихій—изъ письменной церковной и иной литературы, изъ чужихъ устныхъ сказаній, такъ что форма, въ какой мы знаемъ ее теперь, была именно поздняя, прошедшая цѣлые вѣка разнообразныхъ видоизмѣненій и наслоеній. Очевидно, что, ставя эту позднюю форму народной поэзіи во главу историко-литературнаго построенія, мы производимъ смѣшеніе явленій и нарушаемъ историко-литературную связь и послѣдовательность: до книжной литературы ставится явленіе, образовавшееся между прочимъ изъ элементовъ этой же книжной литературы и изъ позднѣйшихъ осложненій народнаго преданія, отчасти изъ чужихъ источниковъ; и наоборотъ, послѣ ставится книжная литература, возникшая первоначально въ всякихъ ея вліяній. Единственнымъ явленіемъ старой письменности, которое стоитъ въ связи съ подлинными источниками народнаго преданія, было Слово о полку Игоревѣ, но оно не имѣетъ ничего однороднаго ни раньше, ни позже ¹⁾.

¹⁾ Оттолоски его въ „Задонщинѣ“ не были продолженіемъ поэтической традиціи и носятъ всѣ признаки книжническаго подражанія.

Въ настоящее время, когда, собственно говоря, впервые раскрывается для насъ объемъ и характеръ народной поэзіи путемъ изслѣдованія, ея формы и содержаніе являются намъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились въ особенности къ концу XVII-го вѣка. Если научныя разысканія ставятъ вѣдѣ сомнѣнія далекую древность многихъ мотивовъ народной поэзіи, то другіе, напротивъ, очень поздні, и самые тексты извѣстны намъ уже въ измѣнившихся формахъ народной рѣчи, и съ этимъ измѣненіемъ необходимо должны были утратиться многія архаическія подробности самыхъ понятій, — какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на изложеніе текстовъ должно было повліять сильно измѣнившееся міровоззрѣніе народа и измѣнившіяся формы самаго быта. Съ конца XVII вѣка начинаются и первыя записи народной поэзіи, слѣдовательно, первая забота книжниковъ о сохраненіи этихъ памятниковъ, проявленіе извѣстнаго интереса къ этимъ произведеніямъ и нѣкоторой эстетической ихъ оцѣнки: это совпадало съ тѣмъ, что къ той же эпохѣ относится вообще несомнѣнный поворотъ въ умахъ книжныхъ людей и освѣженіе литературныхъ интересовъ, ослаблявшихъ старое преданіе. Итакъ, здѣсь характеристическій пунктъ исторіи: окончательное завершеніе народной поэзіи ¹⁾ и начало ея литературнаго вліянія.

Такимъ образомъ изложеніе народной поэзіи, по историческимъ требованіямъ, должно переплетаться съ изложеніемъ тѣхъ фактовъ книжной литературы, которые вмѣстѣ съ бытовыми явленіями исторической жизни оказывали вліяніе на ея содержаніе и форму — или уничтожая ея архаическія черты, или возбуждая въ ней новое развитіе, какъ было, напримѣръ, въ особенности въ эпической богатырской пѣснѣ и въ духовномъ стихѣ. Или же, во внѣшней постановкѣ предмета, изложеніе народной поэзіи можетъ занять мѣсто на границѣ двухъ главныхъ періодовъ нашей литературы, границѣ, отмѣченной концомъ XVII-го и началомъ XVIII вѣка.

Интересъ къ народной поэзіи и ревностное изученіе тѣхъ періодовъ народной жизни, къ которымъ относится ея первое созданіе, составляютъ заслугу нашего вѣка. Первые начатки этого интереса восходятъ еще къ концу XVIII-го столѣтія. Мы имѣли случай говорить о томъ, изъ какихъ разнообразныхъ источ-

¹⁾ Само собою разумѣется, что это можетъ быть сказано только приблизительно, въ главныхъ чертахъ. Далѣе скажемъ, почему около этой эпохи надо принимать послѣднюю живую пору эпической пѣсни; историческія пѣсни XVIII вѣка носятъ уже иной характеръ; съ этой поры вѣроятно сталъ усиливаться и упадокъ народной лирики, который къ нашему времени сказывается уже чрезвычайно рѣзко.